

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне пришлось потрудиться, чтобы нанизать разнообразные истории, вошедшие в этот сборник, на нить единого сюжета, у которого, насколько мне известно, есть по крайней мере одно достоинство: прежде он нигде не встречался.

Страницы, озаглавленные «Дневник Леи», служат, однако, и иной цели, а не только обеспечивают сюжетные рамки для моего собрания рассказов. В этой части книги, а затем и в «Прологах» к отдельным рассказам я стремился дать читателю чуть более подробное представление о жизни художников, которую имел возможность изучить благодаря особым обстоятельствам и которую уже попытался описать под другим углом в своем романе «Прятки». На сей раз мне хотелось бы вызвать сочувствие к радостям и горестям бедного странствующего портретиста, чья история представлена с точки зрения его жены в «Дневнике Леи» и будет кратко и просто изложена им самим в «Прологах» к каждой части. Я преднамеренно ограничил эти две составляющие моей книги в объеме: в одном случае описал ровно столько, сколько успела бы рассказать самая настоящая жена художника, улучив минутку, свободную от хозяйственных хлопот, а в другом — столько, сколько был бы готов поведать о себе и о характерах, с которыми повстречался во время странствий, человек скромный и разумный. Если мне посчастли-

вилось доходчиво донести свои мысли столь простыми и лаконичными средствами и если при всем при том я сумел достичь поставленной цели — свести вместе несколько разрозненных историй, подогнать их друг к другу, сделать из них части единого целого, значит мне удалось воплотить замысел, в осуществлении которого я некоторое время отнюдь не был уверен.

Относительно самих историй, взятых по отдельности, мне нужно лишь дать необходимые пояснения и указать, что «Хозяйка Гленвит-Грейндж» предлагается читателю впервые, а остальные рассказы появлялись на страницах журнала «Домашнее чтение». Искренне благодарю мистера Чарльза Диккенса, который по доброте своей разрешил мне объединить их в общий сюжет и представить в нынешнем виде.

Кроме того, я должен выразить благодарность и признательность иного рода выдающемуся живописцу У. С. Геррику, перед которым я в долгу за занимательные и курьезные факты, ставшие основой рассказов «Жуткая кровать» и «Желтая маска».

Хотя тем, кто хорошо меня знает, это утверждение может показаться несколько поверхностным, не будет неуместным добавить в заключение, что все эти истории — исключительно плод моего воображения, сочинительства и писательства. Одно то, что события некоторых из них разворачиваются за границей и их герои иностранцы, по всей видимости, некоторым образом намекает на иностранное происхождение самих историй. Позвольте раз и навсегда заверить моих читателей, удостоивших меня своего внимания: и в этом, и во всех остальных случаях они вправе быть совершенно уверенными в подлинности и неподдельности плодов моего литературного труда. Пускай мои дети еще малы и слабы, пу-

скай они и нуждаются в дружеской помощи в своих первых попытках выйти на сцену нашего большого мира, но все же они мне родные, и я их ни у кого не позаимствовал. И в самом деле, моя литературная семья растет до того быстро, что это, по всей видимости, лишает смысла самый вопрос о заимствовании и заставляет всерьез опасаться, что я далеко не закончил вносить свой собственный неповторимый вклад в многочисленную популяцию книг.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕИ

16 февраля 1827 года. — Недавно заходил доктор, чтобы в третий раз осмотреть глаза моего мужа. Слава богу, сейчас нет ни малейших опасений, что мой бедный Уильям потеряет зрение, если, конечно, удастся убедить его строго придерживаться всех врачебных рекомендаций ради сохранения здоровья глаз. В нашем случае следовать этим рекомендациям крайне затруднительно, ведь Уильяму запретили заниматься своим ремеслом по меньшей мере ближайшие полгода. Скорее всего, советы доктора обрекут нас на бедность, а может быть, и на самую настоящую нищету; однако их необходимо выполнять со всем прилежанием и даже с благодарностью, поскольку вынужденный перерыв в работе спасет моего мужа от страшной участи — от слепоты. Думаю, теперь, когда нам известно худшее, я сумею сохранить бодрость и стойкость — по крайней мере, за себя я ручаюсь. Но могу ли я ручаться за детей? Могу, разумеется, ведь их только двое. Грустно в этом признаваться, но сейчас впервые со дня свадьбы я рада, что их у нас не больше.

17-е. — Ночью, когда я, как могла, успокоила Уильяма насчет будущего и услышала, что он уснул, меня охватил ужас: вдруг доктор не сказал нам худшего? Иногда медики обманывают больных, и я всегда считала это ложно понятым добросердечием. От одного подозрения, будто меня ввели в заблужде-

ние относительно здоровья моего мужа, мне стало настолько не по себе, что я нашла предлог выйти из дома и тайком пришла к доктору. К счастью, я застала его дома и в двух словах объяснила ему цель своего визита.

Он улыбнулся и заверил меня, что опасаться мне нечего: он сказал нам самое худшее.

— И это самое худшее, — спросила я, желая избавиться от всяческих сомнений, — состоит в том, что в ближайшие шесть месяцев моему мужу следует дать полный отдых глазам?

— Совершенно верно, — ответил доктор. — Учтите, я не говорю, что ему нельзя иногда нарушать предписание носить зеленые очки и находиться дома: можно и выходить на час-другой, когда воспаление уменьшится. Однако я повторяю со всей настойчивостью: ему нельзя утомлять глаза работой. Нельзя даже прикасаться к кистям и карандашам; и если вы спрашиваете моего мнения, то ему еще полгода не следует и думать о портретах. Настоящей причиной всех скверных симптомов, с которыми нам пришлось впоследствии бороться, стало именно его упорное желание закончить два портрета в период, когда глаза впервые начали изменять ему. Если помните, миссис Керби, я предупреждал его об этом, когда он только приехал в наши края поработать.

— Да, предупреждали, сэр, — отвечала я. — Но как же быть бедному странствующему портретисту, который зарабатывает себе на жизнь рисованием — то здесь, то там? Его глаза — наши кормильцы, а вы велели дать им отдохнуть.

— Неужели у вас нет иных доходов? Только те деньги, которые зарабатывает мистер Керби рисованием портретов? — спросил доктор.

— Нет, — ответила я, и сердце у меня сжалось, когда я представила себе счет, который он выставит нам за лечение.

— Пожалуйста, простите меня, — проговорил он, покраснев и несколько смутившись, — точнее, поймите, что я спрашиваю из одного лишь дружеского интереса к вам: удастся ли мистеру Керби обеспечить благосостояние семьи своим ремеслом? — Я не успела ответить, как он испуганно добавил: — Умоляю, только не подумайте, будто я интересуюсь из праздного любопытства!

У него не могло быть никаких низменных побуждений задать этот вопрос, и этого мне было достаточно, поэтому я ответила сразу же, просто и правдиво:

— Мой муж зарабатывает совсем немного. Знаменитые лондонские портретисты получают от своих заказчиков большие деньги, но бедные, безвестные художники, которые разъезжают по стране, вынуждены тяжело трудиться и довольствоваться самыми скромными заработками. К сожалению, когда мы расплатимся здесь со всеми долгами, у нас останется совсем немного свободных средств, и придется искать прибежища в местах, где жизнь дешевле.

— В таком случае, — сказал добрый доктор (с какой радостью и гордостью я буду вспоминать, что он понравился мне с первого взгляда!), — в таком случае, когда будете подсчитывать здешние долги, не включайте в них плату за мои услуги. Не беспокойтесь, я могу подождать, пока мистер Керби поправится, а потом попрошу его нарисовать портрет моей дочурки. Тогда мы будем квиты, к полному обоюдному удовольствию.

Он с сочувствием пожал мне руку и попросался, не дав мне высказать и половины слов благодарности, рвавшихся из моей груди. Никогда, никогда не забуду, что он избавил меня сразу от двух главных забот в самое тревожное время моей жизни. До чего же он добрый, до чего сострадательный! Я была готова упасть на колени и поцеловать его порог, когда шагнула за него и направилась к себе.

18-е. — Если бы после вчерашнего я не приняла твердое решение отныне и впредь взирать только на светлую сторону происходящего, события сегодняшнего дня лишили бы меня всякого присутствия духа в самом начале наших бедствий. Сначала нам пришлось подсчитать свои долги, а затем, когда мы сопоставили полученную сумму со всеми своими сбережениями, оказалось, что у нас после всех выплат останется фунта три-четыре. Затем я исполнила печальную обязанность пойти и предупредить домовладелицу, что мы уезжаем, — а ведь мы едва успели устроиться на новом месте. Если бы Уильям продолжал работать, мы бы могли остаться в этом городке и в этих чистых, уютных комнатах еще месяца три-четыре, не меньше. У нас еще никогда не было такой чудесной просторной мансарды, где играли дети, и я еще никогда не встречала квартирной хозяйки, с которой было настолько приятно делить кухню. А теперь придется отказаться от счастья и уюта и уехать... даже не знаю куда. Уильяму до того горько, что он поговаривает о работном доме; но этому не бывать, даже если мне придется пойти в служанки, лишь бы не допустить такого. Темнеет, а нам нужно экономить свечи, иначе бы могла я еще много написать. Ох! Тяжкий был день. С самого утра у меня выдалась лишь одна приятная

минута, да и та утром, когда я поручила моей крошке Эмили сплести бисерный кошелек для дочки доброго доктора. Моя дочь не по летам искусно нижет бисер, и даже если знаком нашей благодарности послужит жалкий пустой кошелечек, это лучше, чем ничего.

19-е. — Визит нашего лучшего друга, нашего единственного друга в этих краях — доктора. Осмотрев глаза Уильяма и сообщив, что выздоровление оправдывает все надежды, доктор спросил, где мы собираемся поселиться. В самом дешевом жилье, какое удастся найти, ответила я — и добавила, что сегодня же собираюсь разузнать, не сдают ли чего-нибудь на соседних улицах.

— Не спешите с поисками, — сказал он, — пока я снова к вам не приду. Я сейчас собираюсь к больному в одной усадьбе в пяти милях отсюда (не смотрите с тревогой на детей, миссис Керби, это ничуть не заразно: просто неуклюжий деревенский парень свалился с лошади и сломал ключицу). Иногда в этой усадьбе берут жильцов, и я не вижу причин, почему бы им не взять вас. Если вы хотите жить в хорошем доме и хорошо столоваться за скромные деньги, если вам нравится общество простых, сердечных людей, то усадьба Эпплтривик для вас самое подходящее место. Не благодарите, пока не узнаете, удалось ли мне устроить вас на новую квартиру. А пока завершите все дела здесь, чтобы иметь возможность переехать в любую минуту.

С этими словами добрый джентльмен кивнул и вышел. О Небо, только бы ему удалось договориться в усадьбе! Если мы будем жить за городом, можно будет хотя бы не опасаться за здоровье детей.

Кстати, о детях: не могу не упомянуть, что Эмили уже почти доделала одну сторону бисерного кошечка.

20-е. — Записка от доктора, который был занят и не успел зайти. Прекрасные новости! Семейство, живущее в усадьбе Эплтревик, отводит нам две спальни и разрешает есть с ними за общим столом — и все за семнадцать шиллингов в неделю. По моим расчетам, когда мы расплатимся со всеми здешними долгами, у нас останется три фунта шестнадцать шиллингов. Для начала этого хватит на четыре недели жизни в усадьбе и еще останется восемь шиллингов. Я смогу брать заказы на вышивку и с легкостью выручить еще девять шиллингов — вот и пятая неделя. А за пять недель — учитывая, сколько всего я умею делать, — мы наверняка придумаем, как заработать немного денег. Вот что я постоянно твержу мужу и вот во что, благодаря постоянному повторению, поверила и сама. Уильям, бедняжка, смотрит в будущее не настолько беззаботно — и это естественно. По его словам, перспектива сидеть сложа руки и жить за счет жены долгие месяцы для него до того ужасна и безнадежна, что и не описать. Я пытаюсь подбодрить его, напоминая о долгих годах, когда он честно и тяжело трудился ради меня и детей, и о заверениях доктора, что со временем его глазам станет лучше и нынешняя немощь пройдет. Но Уильям все равно вздыхает и ворчит, до чего же ему претит стать обузой для жены: ведь он принадлежит к числу самых гордых и независимых людей на свете. На это я могу лишь ответить — и в это я верю всем сердцем, — что обещала быть с ним и в горе и в радости и у меня было много радостных лет и даже в нашем нынешнем бедственном поло-

жении нет ни малейших признаков приближения горя!

Бисерный кошелечек продвигается быстро. Сидишь с красным, в красивую полосочку.

21-е. — Хлопотливый день. Завтра мы отправляемся в Эплтревик. Плачу́ по счетам, собираю вещи. Все новые холсты и живописные принадлежности бедного Уильяма аккуратно сложены в ящик. С какой грустью мой муж смотрел, молча сидя в зеленых очках, как исчезают его старые знакомые — рабочие инструменты, словно им никогда больше не доведется встретиться снова: у меня даже слезы навернулись на глаза, хотя, несомненно, я не из тех, кто часто плачет. К счастью, в зеленых очках он плохо видел меня, а я приложила все усилия — хотя едва не задохнулась от натуги, — чтобы он ни в каком случае не услышал, как я плачу.

Бисерный кошелечек готов. Где же взять стальные колечки для ручек и бахрому для него? Сейчас я не могу потратить без необходимости и шесть пенсов, даже на самое благое дело.

22-е. —————

23-е. — Усадьба Эплтревик. После нашего переезда я падала с ног от усталости и не смогла написать в дневник ни слова о нашем путешествии в это великолепное место. Но теперь, когда мы начали устраиваться, я могу отчасти восполнить пробелы.

Первое мое дело утром в день переезда, как ни странно, не имело отношения к сборам в усадьбу. Едва мы позавтракали, я постаралась нарядить Эмили почище и покрасивее, чтобы отправить ее к доктору с кошелечком. На ней было парадное шелковое платьице — к сожалению, кое-где оно зашито, и это заметно, — и соломенная шляпка, украшенная лентой от моего чепца. Из отцовского шейного платка,

хитроумно скрученного и завязанного, вышла прекрасная мантилья, и вот моя дочка отправилась к доктору маленькими, но твердыми шагами, зажав кошелечек в руке (ручки у Эмили прехорошенькие, и напрасно я огорчилась, что у меня не нашлось для нее перчаток). Кошелечек был принят с восторгом — не могу не упомянуть, что он был отделан белым бисером; мы нашли его, когда шарили в своих сундуках, и из него получились прекрасные ручки и бахромы: белый цвет премило оттеняет красные и синие полосы. Как я уже сказала, и доктор, и его дочь при виде подарка пришли в восторг и в свою очередь подарили Эмили рабочую шкатулку для нее и коробочку мармеладных конфет для ее малютки-сестры. Дочурка вернулась из гостей вся розовая от удовольствия и заметно улучшила настроение отца своим рассказом о визите. На том и заканчивается захватывающая история бисерного кошелечка.

К середине дня за нами прислали повозку из усадьбы, и она отвезла нас со всем багажом в Эплтревик. Было по-весеннему тепло, и сердце у меня снова сжалось, когда я увидела, как подсаживают в повозку бедного Уильяма, больного и понурого, и на нем в веселый солнечный денек эти несчастные зеленые очки.

— Одному Богу известно, Лея, сумеем ли мы все это преодолеть, — сказал он, когда мы тронулись в путь, а затем вздохнул и снова умолк.

На окраине городка нам повстречался доктор.

— Пусть вам сопутствует удача! — воскликнул он и торопливо, по своему обыкновению, отсалютовал тростью. — Я приду навестить вас, как только устроитесь в усадьбе.

— До свидания, сэр, — сказала Эмили и с огромным трудом попыталась встать среди тюков на дне

повозки. — До свидания и еще раз спасибо за шка-
тулку и мармелад.

Настоящая дочь своей матери! Всегда найдется
с ответом.

Доктор послал нам воздушный поцелуй и еще
раз взмахнул тростью. Мы расстались.

Сколько удовольствия принесла бы мне поездка,
если бы Уильям мог вместе со мной полюбоваться,
как гнутся под сильным ветром молодые ели на ве-
ресковой пустоши, как проносятся тени по ровным
полям, как плавно проплывают белые башни обла-
ков пышной воздушной процессией в веселом го-
лубом небе! Дорога была холмистая, я уговаривала
паренька на козлах не слишком гнать коня, и ехали
мы медленно — прошел почти час, прежде чем мы
подкатили к воротам усадьбы Эпплтривик.

24 февраля — 2 марта. — Мы пробыли здесь до-
статочно долго и успели кое-что узнать о здешних
местах и жителях. Сначала о местах: там, где сейчас
стоит хозяйский дом, был когда-то знаменитый мо-
настырь. Колокольня еще сохранилась, а большая
зала, служившая монахам трапезной, сейчас отве-
дена под амбар. Сам дом, очевидно, — тоже достро-
енные руины. Все комнаты в нем на разном уровне.
Дети то и дело спотыкаются в коридорах, посколь-
ку везде ступеньки то вверх, то вниз, и именно там,
где особенно темно. Что до лестниц, то, по-моему,
у каждой спальни есть своя. Я постоянно теряюсь
в этом доме, а хозяин смеется: мол, для меня во всем
доме, сверху донизу, надо на каждом углу повесить
указатели. Внизу, кроме обычных хозяйственных
помещений, у нас парадная гостиная — темная, душ-
ная, дорого обставленная безлюдная комната, в ко-
торую никто никогда не заходит, — а также кухня
и нечто вроде залы с камином, огромным, как в го-

стиной в городском доме, где мы жили. Здесь мы проводим весь день и собираемся за столом, здесь дети могут резвиться до упаду, сюда то и дело забредают собаки, если им случается сорваться с привязи, здесь рассчитываются с работниками, принимают гостей, коптят бекон, пробуют сыр, курят трубки и дремлют каждый вечер мужчины из хозяйского семейства. Мир не знал такого уютного, приветливого обиталища, как эта зала; у меня уже возникло ощущение, будто здесь прошла половина моей жизни.

Если выйти из дома и оглядеться, видно, что за цветником, лужайкой, задними дворами, голубятнями и огородами нас окружает целая сеть ровных пастбищ, и каждое отделено опрятной живой изгородью с крепкими воротами. За полями в голубые дали плавной чередой уходят холмы, сливаясь с мягким сиянием неба. Из окна нашей спальни видно то место, где они заканчиваются и резко переходят в низину, и за зеленой болотистой равниной просматривается далекая полоса моря — иногда эта полоса синяя, иногда серая, иногда, на закате, словно пожар, а иногда, в пасмурные дни, — будто яркий серебристый свет.

Жители усадьбы обладают одной редкой и прекрасной чертой: с ними сразу можно подружиться. Вот только что мы были совсем незнакомы — и уже на дружеской ноге и искренне улыбаемся друг другу при каждой встрече, причем произошло это вмиг, безо всяких стадий сближения, требуемых формальным этикетом. Они приняли нас по прибытии словно давних друзей, вернувшихся из длительного путешествия. Мы не провели в зале и десяти минут, а Уильяму уже поставили в самый уютный уголок самое удобное кресло; дети сидели на подоконнике и уплетали хлеб с вареньем; а я гладила кошку, ко-

торая улеглась мне на колени, и рассказывала хозяйке усадьбы, как Эмили болела корью.

В семье семь человек, не считая, разумеется, работников, постоянно живущих при доме. Во-первых, хозяин и хозяйка: он — высокий, плечистый, голосистый и деятельный старик, а она — самая приветливая, самая пухленькая и самая веселая женщина шестидесяти лет, какую я только видела. У них трое сыновей и две дочери. Двое старших сыновей работают в усадьбе, третий — моряк, но по счастливой случайности именно сейчас прибыл в усадьбу в отпуск. Дочери — воплощенное здоровье и свежесть. Могут пожаловаться только на одно: они уже принялись баловать детей.

До чего же счастливо жилось бы мне в этом спокойном месте, среди этих искренних, простых людей, если бы не печальное зрелище недуга Уильяма и изнурительная неопределенность — ведь мы не знаем, где взять средства к дальнейшему существованию. И до чего же тяжело нам с мужем после целого дня, проведенного так приятно благодаря добрым словам и дружеским услугам, терзаться мыслью, которая особенно настойчиво преследует нас по ночам: будут ли у нас через месяц деньги, чтобы остаться в новом доме?

З-е. — Зарядил дождь; дети не слушаются; Уильям в грусти и унынии. То ли его настроение передалось мне, то ли мелкие неприятности с детьми утомили меня сильнее обычного, — так или иначе, на сердце у меня еще ни разу не было настолько тяжело с тех пор, как муж надел зеленые очки. Меня одолели безнадежность и безразличие — но к чему писать об этом? Лучше попытаться забыть. Когда сегодня все идет хуже некуда, всегда можно уповать на завтра.

4-е. — Завтра оправдало все мои надежды. На улице снова солнце, и оно отражается в моем сердце донельзя верно и ясно — на большее я не могла бы и надеяться. О, этот месяц, один жалкий месяц передышки! Что мы будем делать, когда он подойдет к концу?

5-е. — Краткую запись за вчерашний день я сделала перед чаем и не подозревая, какие события суждено нам пережить вечером, а между тем они, безусловно, достойны запечатления, поскольку непременно приведут к великолепным результатам. Знаю, я склонна относиться ко всему излишне сангвинически, и тем не менее я твердо убеждена, что открыла новый выход из нашего нынешнего затруднительного положения — способ найти достаточно денег на уютную жизнь в усадьбе для всех нас, пока к глазам Уильяма не вернется здоровье.

И этот новый план, призванный избавить нас ото всех неопределенностей на ближайшие полгода, я придумала сама! Я даже подросла в своих глазах на несколько дюймов. Если только доктор, который приедет завтра, согласится с моей картиной происходящего, уговорить Уильяма будет нетрудно, я уверена, а потом пусть говорят что хотят — я за все отвечаю.

Вот как зародилась у меня в голове эта новая мысль.

Мы закончили пить чай. Уильям, который был бодрее обычного, беседовал с молодым моряком, которого здесь в шутку прозвали Дик-Непогода — очень неприятная кличка. Хозяин с двумя старшими сыновьями, по своему обыкновению, устроились на дубовых скамьях вздремнуть. Хозяйка дома вязала, а две ее дочери убирали со стола; я штопала детские носки. С какой стороны ни взгляни, поло-

жение вещей не слишком располагало к озарениям, и все же, несмотря ни на что, озарение посетило меня именно тогда. Молодой моряк обсуждал с моим мужем различные темы, связанные с жизнью на корабле, и начал описывать свой гамак — рассказал, как именно он подвешен и почему забраться в него можно лишь «кормой вперед» (ума не приложу, что это значит), и упомянул, что в качку там спится словно в колыбели, а иногда, в бурные ночи, гамак до того раскачивается, что с силой бьется о борт, и тогда лежащий в нем моряк просыпается с чувством, будто его огрели по голове на диво крепким кулаком. Слушая все это, я отважилась предположить, что для него, должно быть, большое облегчение выспаться на берегу в хорошей, неподвижной, надежной кровати под балдахинном. Однако, к моему изумлению, на это моряк только посмеялся, — оказывается, без гамака сон у него не тот, а без ударов головой о борт он даже скучает; в заключение моряк самым презабавным образом описал неприятные ощущения, которые возникают у него, когда он спит в кровати под балдахинном. Удивительная природа возражений молодого моряка против манеры спать на суше напомнила моему мужу (и, разумеется, мне самой) ужасную историю одной кровати во французском игорном доме, которую Уильяму рассказал как-то раз джентльмен, портрет которого он писал.

— Вы смеетесь надо мной, — сказал честный Дик-Непогода, заметив, что Уильям с улыбкой повернулся ко мне.

— Нет, ничуть, — ответил мой муж. — И уж мне-то ваши возражения против кроватей с балдахинном определенно не кажутся смешными. Я когда-то знал одного джентльмена, Дик, которому довелось испытать на практике все то, о чем вы говорите.

— Извините, сэр, — сказал Дик, немного помолчав, и на лице его читалось крайнее изумление и любопытство. — Не могли бы вы объяснить простым языком, чтобы вас сумел понять даже простой парень вроде меня, что это была за практика такая?

— Конечно! — рассмеялся мой муж. — Я имел в виду, что когда-то знавал одного джентльмена, который видел и ощущал все то, чего вы в шутку опасаетесь, когда спите на кровати под балдахин. Понимаете?

Дик-Непогода прекрасно все понял и с жаром попросил рассказать ему о приключениях этого джентльмена. Хозяйка дома, слушавшая наш разговор, поддержала просьбу сына, девушки с выжидательным видом сели за чайный стол, убранный только наполовину, и даже сам хозяин и его сонные сыновья лениво приподнялись на скамьях; тогда муж понял, что уклониться от рассказа уже нельзя, и без проволочек приступил к делу.

Я часто слышала, как он описывает эти поразительные приключения (Уильям — лучший в мире рассказчик) нашим друзьям из самых разных кругов во всех уголках Англии, и не помню ни одного случая, чтобы эта история не произвела должного впечатления. А наши слушатели из усадьбы, скажу без преувеличения, слушали словно замороженные. Я в жизни не видела, чтобы люди так долго смотрели в одном направлении и так долго не меняли позы. Даже слуги улучили минутку от своей работы в кухне, чтобы послушать, и зачарованно застыли на пороге, не опасаясь упреков хозяина или хозяйки. И когда я молча наблюдала эту картину, пока муж продолжал рассказ, меня внезапно осенила блестящая мысль. «Вот бы у Уильяма появилось больше слушателей, которым он мог бы рассказать и эту историю, и прочие, ведь модели сплошь и ря-

дом рассказывают ему что-то занятное, а он до сих пор пересказывал это только в узком кругу, среди нескольких друзей! Между тем многие издают свои истории в виде книг и получают за них деньги. Может быть, и нам стоит записать свои истории и сделать из них книгу? Может быть, эта книга станет хорошо продаваться? Это, несомненно, освободило бы нас от одной из главных забот, которые не дают нам покоя! И принесло бы достаточно денег, чтобы остаться в усадьбе, пока состояние глаз Уильяма не улучшится и он не сможет снова работать!» Когда мои мысли приняли этот оборот, я едва не вскочила с кресла. Интересно, когда великие ученые совершают чудесные открытия, у них возникает такое же ощущение, как у меня? Хотелось ли сэру Исааку Ньютону подпрыгнуть в воздух, когда он открыл закон всемирного тяготения? Потянуло ли в пляс брата Бэкона¹, когда он зажег спичку и услышал, как взорвался первый в мире пороховой заряд?

Мне пришлось изо всех сил сдерживаться, иначе я посвятила бы Уильяма в свои планы прямо при наших друзьях из усадьбы. Но я понимала, что лучше дождаться, пока мы не останемся наедине, и дождалась. Какое было облегчение, когда мы все наконец встали и пожелали друг другу спокойной ночи!

Едва мы очутились в своей комнате, я заговорила, не успев отколотить и булавки от платья.

— Дорогой, — начала я, — мне еще не доводилось слышать, чтобы вы так прекрасно рассказыва-

¹ *Роджер Бэкон* (ок. 1214–1292) — английский ученый, профессор богословия, был монахом-францисканцем. Согласно легенде, он в XIII в. открыл состав пороха, но, поняв его разрушительную силу, записал формулу пороха с помощью шифра, который никому не удалось расшифровать. В действительности, Бэкон первым из европейцев упомянул о порохе в одном из своих писем. — *Здесь и далее примеч. ред.*

ли историю об игорном доме. Какое впечатление она произвела на наших друзей! И какое впечатление она производит всякий раз, когда вы ее рассказываете, если уж на то пошло!

Поначалу Уильям не обратил особого внимания на мои слова. Только кивнул и начал наливать примочку, которой всегда промывает свои бедные глаза перед сном.

— Кстати, Уильям, — продолжала я. — Похоже, все ваши истории очень интересны слушателям. И ведь за пятнадцать лет практики портретиста их набралось очень много! Вы когда-нибудь задумывались, сколько историй знаете?

Нет, он не берется сразу назвать точное число. Это он ответил самым безразличным тоном, промочив глаза губкой с примочкой. Делал он это донельзя неловко и грубо — по крайней мере, мне так показалось, — и я забрала у него губку и бережно нанесла примочку сама.

— Как вы думаете, — сказала я, — если бы вы тщательно разобрали в уме какую-нибудь из своих историй, да хотя бы и ту, к примеру, которую вы рассказали сегодня, смогли бы вы повторить ее мне настолько точно и последовательно, чтобы я сумела все записать под вашу диктовку?

Уильям ответил, что, разумеется, смог бы, но к чему такой вопрос?

— К тому, что мне бы хотелось красиво записать все те истории, которые вы часто рассказываете нашим друзьям, и сохранить на случай, если мы их когда-нибудь забудем.

На это муж попросил меня помочь промыть левый глаз, поскольку его особенно сильно жжет.

«Раз мои слова ему безразличны, и чем дальше, тем сильнее, в итоге он попросту уснет прежде, чем я успею развить свою мысль, — подумала я, —

поэтому мне необходимо найти средство расшевелить его любопытство, иначе говоря, разбудить мужа и привести его в должное состояние заинтересованного внимания».

— Уильям, — заявила я, решив не тратить времени и сил на предисловия, — у меня есть новый план, как нам найти денег, чтобы остаться здесь жить.

Он тут же вскинул голову и посмотрел на меня. Что за план?

— Вот он: состояние глаз не позволяет вам сейчас заниматься своим ремеслом художника, верно? Хорошо. Как же вы распорядитесь досугом, дорогой? Станете писателем! И откуда мы получим желанные деньги? Опубликуем книгу!

— Силы небесные, Лея! Вы в своем уме? — воскликнул он.

Я обняла его за шею и села ему на колени (этот способ неизменно помогает мне, когда нужно в чем-нибудь его убедить без лишних слов).

— Уильям, наберитесь терпения и выслушайте меня, — сказала я. — Беда художника именно в том, что он легко может стать жертвой случайностей: талант ему ни к чему, если нельзя задействовать глаза и пальцы. А для воплощения писательского таланта годятся не только свои, но и чужие глаза и пальцы. Поэтому в нашем нынешнем положении у вас, как я уже упоминала, остается лишь один выход — стать писателем. Подождите! И выслушайте меня. Книга, о которой я говорю, — это сборник всех ваших рассказов. Вы их повторите, а я запишу под вашу диктовку. Нашу рукопись опубликуют; мы продадим книгу читателям и таким образом с честью обеспечим себя на это трудное время, сделав все возможное, чтобы развлечь и заинтересовать ближнего.

Пока я все это говорила — должно быть, с превеликим волнением, — мой муж смотрел на меня, как

выразился бы наш юный друг-моряк, несколько *огорошенно*.

— Вы всегда отличались быстрым умом, Лея, — проговорил он, — но как же вам удалось придумать подобный план?

— Мне это пришло в голову, когда вы внизу рассказывали всем о приключениях в игорном доме, — ответила я.

— Это смело, и это изобретательно, — задумчиво продолжал он. — Но одно дело — рассказывать интересную историю в кругу друзей, а облечь ее в письменную форму для незнакомых читателей — совсем другое. Не забывайте, дорогая: мы с вами не умеем, как говорится, писать для печати.

— Безусловно, — сказала я, — как и все остальные писатели, когда берутся за перо в первый раз. Однако же очень многие отваживались на литературные опыты и добивались успеха. Кроме того, в нашем случае у нас есть готовые материалы, и нам, несомненно, по силам придать им презентабельный вид, ведь наша цель — простая истина, и больше ничего.

— А кто будет сочинять красочные описания и остроумные рассуждения и так далее? — спросил Уильям, озадаченно качая головой.

— Никто! — отвечала я. — Красочные описания и остроумные рассуждения в сборниках занимательных рассказов никто никогда не читает. Что бы мы ни делали, давайте постараемся по возможности не написать ни единого предложения, которое читатель мог бы с легкостью пропустить. Ну же, ну же! — продолжала я, поскольку он снова принялся качать головой. — Хватит возражений, Уильям, они меня не остановят, ведь я совершенно уверена в успехе своего плана. Если вы все еще сомневаетесь, посоветуемся о нашем проекте с кем-нибудь сведущим. Завтра к вам придет доктор. Я расскажу ему все то же,

что и вам, и, даю вам честное слово, буду строго руководствоваться его мнением, если и вы пообещаете мне то же самое.

Уильям улыбнулся и тут же дал слово. Лучшего я и желать не могла и легла спать с легким сердцем. Ведь я, разумеется, не предложила бы взять в советчики доктора, если бы не знала заранее, что он наверняка примет мою сторону.

б-е. — Наш советчик оправдал мое доверие. Едва я успела объяснить ему, в чем заключается мой новый проект, он заявил, что полностью меня поддерживает. А когда муж попытался рассказать ему о своих сомнениях и о трудностях, которые он предвидит, наш дорогой добрый друг не захотел даже слушать его.

— Никаких возражений, — весело воскликнул он. — За работу, мистер Керби, и сделайте себе состояние. Я всегда говорил, жена у вас — чистое золото, и вот теперь она готова взойти на весы книгопродавца и это доказать. За работу, за работу!

— Со всей душой, — ответил Уильям, начав наконец заражаться нашим пылом. — Но когда мы с женой сделаем свою часть работы, как нам дальше поступить с плодом своего труда?

— Положитесь на меня, — ответил доктор. — Закончите книгу и пошлите ее мне домой, а я сразу же покажу ее редактору нашей сельской газеты. У него в Лондоне много знакомых в литературных кругах, и он и есть тот человек, который вам поможет. А кстати, — добавил доктор, обращаясь ко мне. — Вы все продумали, миссис Керби; но сочинили ли вы название для вашей новой книги?

Когда я услышала этот вопрос, настала моя очередь быть «огорошенной». Мне и в голову не приходило, что книгу нужно назвать.